

Ю. Б. Юсифов

РАННИЕ КОНТАКТЫ МЕСОПОТАМИИ С СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫМИ СТРАНАМИ

(Приурмийская зона)

Месопотамия была не только родиной древнейшей переднеазиатской цивилизации, но и родиной первых письменных свидетельств о ее соседях. Соседние народы находились в политическом и экономическом контакте с жителями Месопотамии уже в раннединастический период (XXVIII—XXIV вв. до н. э.); связи эти усилились в период существования шумеро-аккадских государств (XXIV—XX вв. до н. э.). Вместе с тем следует отметить, что ранняя история соседних с Месопотамией стран отражена в шумеро-аккадских письменных источниках весьма скудно, к тому же сведения о контактах населения Месопотамии, в частности с северо-восточными, да и другими соседями имеют крайне отрывочный характер. Ранняя географическая номенклатура вне пределов Месопотамии не всегда поддается точной локализации. Более или менее успешно обстоит дело с определением регионов обитания лишь тех этнических групп, названия которых повторяются в письменных источниках последующего периода.

Достоверные сведения о контактах с северо-восточными странами содержатся в письменных источниках второй половины III тыс. до н. э. Судя по этим источникам, в северо-восточном направлении обитали племена кутиев, луллубеев и су. По-видимому, следует отличать собственно страну кутиев, луллубеев и су от регионов, где происходил их политический контакт с Месопотамией. Общее состояние ранних и поздних письменных источников позволяет заключить, что названные выше племена обитали северо-восточнее Месопотамии на обширной территории, охватывавшей также бассейн Урмийского озера, т. е. земли Иранского Азербайджана¹. Возможно, что часть этих племен была расселена в Восточном

¹ Точные границы регионов обитания кутиев, луллубеев, а также народа су установить трудно. Исходя из места находки памятников луллубейского царя Анубанини и Нарам-Суэна, страну луллубеев локализовали в регионе долины Шеризор, в зоне совр. Сулеймании, вплоть до зоны совр. Зохаба на юго-востоке, а кутиев помещали севернее луллубеев (Billerbeck A. Das Sandschak Suleimania. Lpz, 1898, S. 7—8, 10—11, 16, 80; Speiser E. A. Mesopotamian Origins. Philadelphia—London, 1930, p. 88—89; Cameron G. G. History of Early Iran. Chicago, 1936, p. 40—41. Ср. также Fischer Weltgeschichte. B. 2. Frankfurt am Mein, 1965, S. 125—186; Klengel H. Lullubum. Ein Beitrag zur Geschichte der altvorderasiatischen Gebirgsvölker.— MIO, 1966, B. XI, H. 3, S. 350; Kammenhuber A. Historisch-geographische Nachrichten aus der althurrischen Überlieferung, dem Altelamischen und den Inschriften der Könige von Akkad

Закавказье, но южные пределы их расселения находились на близких подступах к Месопотамии.

Шумеры имели некоторые представления о землях, простиравшихся от Армянского нагорья на севере до Персидского залива на юге и от Иранского нагорья на востоке до Средиземного моря на западе². В первой половине III тыс. до н. э. им были знакомы страны Субир (акк. Субарту) на севере и Элам (шум. Ним, акк. Эламту) на востоке, с которыми шумерские цари вели войны. Судя по эпическим сказаниям, шумеры подерживали более или менее мирные отношения также со страной Аратта. Эпические сказания, в которых встречается название этой страны, составлены в начале II тыс. до н. э., но отражают события начала III тыс. до н. э.³ Местоположение страны Аратта до сих пор точно не установлено. Судя по поэме «Энмеркар и правитель Аратты»⁴, шумеры получали оттуда различные драгоценные металлы, минералы, в том числе лазурит, строительный камень, взамен поставляя зерно. Все это предполагает сравнительно близкое расположение Аратты от Двуречья. В связи с тем, что в эпосе упоминается лазурит, были сделаны попытки локализовать Аратту в районе известнейшего месторождения этого минерала, т. е. в совр. Афганистане⁵. В эпосе упоминаются город Сузы и горы Аншана, перевалив через которые герои достигали страны Аратта. Поскольку Аншан, область Элама, ныне локализуется на равнине Телли Малиян севернее Ширази⁶, то и страну Аратта помещали в зоне Кермана и Фарса⁷. С. Н. Крамер первоначально локализовал эту страну на территории совр.

---

für die Zeit vor dem Einfall der Gutäer (ca. 2200—2136).— AAASH, 1974, t. XXIII, fasc. 1—4, S. 168 f., 234 ff., 242; *Веев М. А.* Atlas of Mesopotamia. Amsterdam, 1962, p. 76, 156 f., табл. 10). Однако зона Сулеймани-Зохаба и территории к северу от нее были южными окраинами страны луллубеев и кутиев. Кутиев и луллубеев помещали также в зоне Урмийского озера, на территории совр. Иранского Азербайджана и Курдистана (см. *Меликишивили Г. А.* Напри-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 118—119; *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.—Л., 1956, с. 101, 104; АВИИУ, I, прим. 4, 5, с. 265; *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960, с. 40, 64; прим. 8, 67, 82; *Юсифов Ю. Б.* О языках древнейших насельников Азербайджана.— ВАФ, Баку, 1983, с. 63; 68—69). Судя по сведениям ассирийских источников, глубинные территории этих племен простирались до юга и юго-востока (луллубей), запада (кутиев) и юга, юго-запада, (su/suw-bi < sum-bi) Урмийского озера.

² *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М., 1965, с. 253.

³ Там же, с. 32 сл.; *Канева И. Т.* Шумерский героический эпос.—ВДИ, 1964, № 3, с. 246 сл.; *Велицкий М.* Забытый мир шумеров. М., 1980, с. 81 сл.

⁴ *Kramer S. N.* Enmerkar and the Lord of Aratta. Philadelphia, 1952, p. 3 f.; *idem.* The Sumerians. Chicago, 1963, p. 270, 274.

⁵ *Сарьяниди В. И.* О Великом лазуритовом пути на древнем Востоке.— КСИА, 1969, вып. 114, с. 5; *он же.* Бактрия сквозь мглу веков. М., 1984, с. 86 сл.; *Sarjani-di V. I.* The Lapis Lazuli Route in the Ancient East.— Archaeology, 1974, v. 24, № 1, p. 12—15; *Hansman J. F.* Elamites, Achaemenians and Anshan.— Iran, 1972, 10, p. 118, not. 97; *idem.* The Question of Aratta.— JNES, 1978, v. 37, № 4, p. 336.

⁶ *Hansman.* Elamites..., p. 101—125; *Reiner E.* The Location of Ansan.— Iran, 1972, 10, p. 240; *idem.* Tall-i Malyan. Epigraphic Finds. 1971—1972.— Iran, 1974, 12, p. 176.

⁷ *Majidzadeh J.* The Land of Aratta.— JNES, 1976, v. 36, № 2, p. 105—107, 111 f. Исходя из того, что в эпосе упоминаются Аншан и Сузы, ряд авторов помещал Аратту в Центральной Иране (см. *Массон В. М.*, *Ромодин В. Ф.* История Афганистана. М., 1964, с. 35; *Массон В. М.* Средняя Азия и древний Восток. М.—Л., 1964, с. 233, 435), в горах восточнее Элама (см. *Канева.* Ук. соч., с. 247) или же где-то в верховьях реки Дияла в зоне Сенендеджа и Керманшаха (*Gordon E. J.* The Meaning of the Ideogram KASKAL.KUR — «Underground Water-course» and Its Significance for Bronze Age Historical Geography.— JCS, 1967, 21, p. 72, not. 9).

Луристана⁸, а затем в Северном Иране, в зоне Каспийского моря и Урмийского озера⁹.

К сожалению, приведенные выше гипотезы относительно локализации Аратты не имеют достаточно весомой аргументации. Археологические материалы (прежде всего изделия из лазурита) позволяют в лучшем случае установить маршруты торговых путей, ведущих из Месопотамии на восток. Поскольку эпические сказания шумеров также не позволяют определить местонахождение Аратты¹⁰, в вопросе о ее локализации следует отдать предпочтение письменным историческим свидетельствам. Такие свидетельства о стране Аратта имеются в поздних надписях. Так, в надписи Саргона II (721—705 гг. до н. э.) упоминается ^{na}rA-rat-ta-a «река Араттая», протекавшая в зоне «Семи гор», за которыми начинались Маннейские области¹¹. Примечательно, что и реки Араттая и Аратта шумерского эпоса находились за «семью горами». То, что область южнее Урмийского озера была известна как горная страна, подтверждается урартскими надписями Аргишти I (781—760). В его надписи повествуется о захвате ^{KUR}A-la-tè-i-e^{KUR} ba-ba-a-ni «Алатей, страны горной» в Манне южнее Урмийского озера¹². Поскольку Алатей по названию и местоположению соответствует стране «реки Араттая» надписи Саргона II, то оба обозначения на наш взгляд можно принять за диалектные варианты. Судя по урартской надписи, слово Алатей имело значение «гора, горная страна»¹³. В поздних шумеро-аккадских школьных синлабариях Аратта/Арату засвидетельствована в значении «гора»¹⁴. Таким образом, мы полагаем, что слово со значением «гора» легло в основу образования названия страны Аратта/Алатей, что характерно для алтайской географи-

⁸ Kramer. Enmerkar..., p. 3. Ср. Великий. Ук. соч., с. 81, 91.

⁹ Kramer. The Sumerians, p. 37, 42, 267; *idem*. The Sumerians.—Scientific American, 1957, Oct., p. 72—73, Мар. Г. Герман в связи с установлением лазуритового пути помещал Аратту где-то на юге или юго-востоке Каспийского моря (Herrmann G. Lapis Lazuli: The Early Phases of Its Trade.—Iraq, 1968, 30, p. 54).

¹⁰ Sauren H. Der Weg nach Aratta.—AAASH, 1974, XXII, fasc. 1—4, S. 143.

¹¹ Thureau-Dangin F. Une relation de la Huitième Campagne de Sargon (714 av. J.-C.). P., 1912, col. 1, 30, S. 8.

¹² Меликишивили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, № 127, IV, стк. 57, с. 223—224; № 128, B2, стк. 28, с. 238 сл.

¹³ Юсифов Ю. Б. О некоторых компонентах неизвестного происхождения.—В кн.: V Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов. Тбилиси, 1971, с. 118.

¹⁴ Textes scolaires du Temple de nabû sa Harê. V. I. Baghdad, 1981, p. 112 f. Под рубрикой шумерских слов приведены, в частности, kur, hursag и a-rat-tu-u (варианты a-rat-ù, a-ru-tù-u), каждое из которых соответствует аккадскому слову sadû «гора». Слова hursag и a-rat-tu-u шумерского происхождения. Последнее, видимо, заимствовано из языка населения Аратты. Согласно К. Кесслеру (Textes scolaires..., p. 113), соответствующее слово восходит к географическому названию Аратта. В средневековых источниках область между Азербайджаном, Хорасаном и Ираком называлась Кухистан (перс. Kūhistan) — «горная страна» и ал-Джибал (араб. мн. ч. от jabal «гора») — «горы» (см. Ал-Бакуеи. Сокращение [книги] о «Памятниках» и чудеса царя могучего. Пер. Буниятова З. М. М., 1971, с. 68). Южные и юго-восточные районы Азербайджана также входили в состав горной области ал-Джибал (там же, с. 73—75, 78). Таким образом, традиция обозначения определенного региона на территории древнего Азербайджана и областей южнее и юго-восточнее от него как горной страны восходит к III тыс. до н. э. Вместе с тем можно допустить, что географическое понятие Аратта/Алатей охватывало более обширную горную зону, чем только юг и юго-восток Урмийского озера. Письменные источники того времени свидетельствуют только о передних по отношению к Месопотамии рубежах Аратты/Алатей. Мы полагаем, что границы Аратты доходили до верховьев Диялы и озера Зерибор на юге и реки Зенджан-руд на юго-востоке.

ческой номенклатуры¹⁵. Приведенные данные позволяют локализовать страну Аратта шумерских эпических сказаний в районе реки Аратта надписи Саргона II и горной страны Алатаеи урартских надписей, т. е. на территории южнее и юго-восточнее Урмийского озера. Эта зона была луллубейской территорией, входившей впоследствии в состав Манны. Видимо, этноним луллубеи обозначал население Аратты. Таким образом, Аратта была не мифической, но действительно существовавшей горной страной. По всей вероятности зона, в которой располагалась страна Аратта, еще в древности славилась своими полезными ископаемыми и минералами. Из упомянутого выше шумерского эпического сказания явствует, что люди Аратты — Приурмийской страны занимались добычей и обработкой золота, серебра, свинца, поделочных камней, в том числе лазурита. Поздние источники также подтверждают, что в зоне Урмийского озера добывались драгоценные металлы, минералы, строительные камни и лазурит¹⁶. Эти материалы и изделия из них были предметами обмена

¹⁵ Ср. тюрк. Алатау, Алатао, Алатаа, Алтай, Аладаг, Алагеоз/Арагац. Оронимы Аратта с вариантами и Алатаеи, засвидетельствованные на территории древнего Азербайджана, наталкивают нас на следующие суждения. Мы предполагаем, что название Aratta (A-rat-ta-a, a-rat-tu-u, a-rat-ü, a-ru-tü-u)/A-la-tè-i-e сложилось из сочетания двух однозначных слов: ara/ala и ta/tu/teie (от tai или taia). Обе части слова явно имеют значение «гора», «возвышенность». Различие между ara/ala — графическое или диалектное (например, ср. Agarar/alarodi, Aragac/Alageoz), и оно в соответствующих сочетаниях представлено в оронимах и гидронимах. Можно было бы допустить, что ara/ala является древнейшей индоевропейской формой, заимствованной алтайским этносом (об индоевропейско-алтайских языковых контактах см. фундаментальную работу: Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984, с. 938 сл.), но этимологизация названия Аратта как «вода», «река» (там же, с. 1325) противоречит вышеприведенным письменным свидетельствам. Однако слово ala как компонент оронима сохранилось лишь в тюркских языках. Первоначально оно имело, вероятно, значение либо «гора», «возвышенность» (ср. монг. ola «гора»), либо — «высокий, большой» (см. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984, с. 47; ср. Мамедов Н. Х. Значение данных талышского языка в изучении азербайджанского языка дописьменного периода. — Советская тюркология, 1984, № 6, с. 21—22). Формы ta/tu/teie, учитывая современные обозначения горы в тюркских и других народах алтайской семьи языков (tau, ta, tu, too, tai, täv, da, tag/dag; ср. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 28 сл., 99 сл.; Мурзаев Ук. соч., с. 44—47), на наш взгляд, относятся к периоду алтайской и пратюркской языковой общности. Мы полагаем, что эти факты открывают новую перспективу в изучении топонимики, отраженной в клинописи, и позволяют поставить вопрос о присутствии алтайско-пратюркских этносов в Приурмийской зоне (а может быть, и в более обширном ареале) уже в III—I тыс. до н. э.

¹⁶ Возможно, что Приурмийская зона играла также роль перевалочного пункта привозимого с востока лазурита. Судя по надписи Ашшурназириала (884—859 гг. до н. э.), царя Замуа — луллубейской территории, входившей в регион Аратты, были обложены данью, состоявшей из золота, серебра, свинца, меди, медных сосудов, раскрашенных одежд и скота (Luckenbill D. D. Ancient Records of Assyria and Babylonia. V. I. N. Y., 1968, p. 153, § 457). По свидетельству средневековых авторов, в Азербайджане, в зоне Урмийского озера, добывали золото, серебро, свинец, ртуть, охру, мышьяк, минеральные краски, соль, аметист, строительный камень, мрамор (Minorsky V. Abu Dulaf. Cairo, 1955, § 183a, b, 184a, b, 185a; Вторая записка Абу Дулафа. Пер. Булгакова П. Г., Халидова А. Б. М., 1960, § 183a, б, 184a, б, 185a; Ибн Хаукаль, 247—248 (BGA, II). Ср. Великанова Н. М. Арабские географы-путешественники IX—XII вв. об Азербайджане. Баку, 1974 (на азерб. яз.), с. 77—78, 81, 112 сл.). Есть также сведения о добыче лазурита в Азербайджане (Hamdallah Mostawfi of Kazvin. The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulub. Trans. Le Strange G. Camb., 1905, p. 195, 197; Ал-Бакуви. Ук. соч., с. 62, 72; Источники по истории Азербайджана. Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-Кулуб. Пер. Бунятова З. М., Петрушевского И. П. Баку, 1983, с. 58). Э. А. Грантовский в докладе «Бактрия и Ассирия (в связи с проблемой древнебактрийского царства)» (см. «Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов». М., 1983, с. 28) со ссылкой на Хамдаллаха Казвини отмечает, что кроме Бадахшана лазурит добывался также в коях Мазандарана, Кирмана и Азерб.

и вывозились, в частности, в Двуречье в обмен на зерно. Страной управлял правитель (*эн*). Земледелие в жизни населения Аратты играло побочную роль, основным занятием было, видимо, ремесленное производство, главным образом связанное с обработкой металлов и минералов. Можно также предполагать, что различные металлы, минералы (лазурит) в раннединастический период доставлялись в Двуречье также из стран, расположенных к востоку и северо-востоку от Урмийского озера. Поэтому эта область уже в ранний период должна была стать объектом экспансии царей древних государств Месопотамии. Вероятно, отраженная в шумеро-аккадских надписях неотожествленная географическая номенклатура могла включать в себя также северо-восточные страны. В этом аспекте представляет интерес надпись царя Уммы Лугальзагеси, согласно которой бог Энлиль проложил ему путь от Нижнего моря по Тигру и Евфрату до Верхнего моря¹⁷. Локализация Верхнего моря в текстах шумерского и раннеаккадского периодов спорна¹⁸. Учитывая, что шумеры имели ранние торговые отношения со страной Аратта, нам представляется правомерной постановка вопроса об отождествлении Верхнего моря также и с Урмийским озером.

Несколько более явно политические взаимоотношения жителей Месопотамии с северными и северо-восточными странами проступают начиная с Аккадской династии (XXIV—XXII вв. до н. э.). В правление Саргона Аккадского (2316—2261 гг. до н. э.) была одержана победа над воинственными восточными соседями — эламитами, прежде неоднократно

байджана, и ставит под сомнение бадахшанское происхождение лазурита, упоминаемого в восточных текстах. По-видимому, из Северной Мидии происходит недатированный фрагмент текста (NABL, № 1240, ср. *Waterman L. Royal correspondence of the Assyrian Empire. N. Y.—L., 1972, p. 362—363, ср. АВИИУ, 50, 41Ж, с. 355 сл.*), сообщаящий об отправке лазурита в Ассирию, вероятно, из лазуритовых копей Азербайджана (см. *Буниятов З. М. Государство Атабеков Азербайджана. Баку, 1978, с. 209 сл.*).

¹⁷ *Thureau-Dangin F. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Lpz, 1907, S. 154.* В. А. Якобсон (Представление о государстве в древней Месопотамии.— В сб.: Древний Восток. III. Ереван, 1978, с. 60) полагает, что в надписи речь идет об установлении свободного передвижения вплоть до Верхнего моря.

¹⁸ И. М. Дьяконов (см. ОГСДШ, с. 199) принимает «Верхнее море» за Средиземное. См. также САД, еII; АНУ, еII(II), где также отмечается, что под «Верхним морем» чаще всего подразумевается Средиземное море. Имеется также предположение, что понятия «Верхнее» и «Нижнее» море в надписи Лугальзагеси появились в результате поздней, старовавилонской редакции и что в обоих случаях подразумевали Персидский залив со стороны Шумера и Элама (*Kammenhuber. Op. cit., S. 216 f.*). Однако такое толкование противоречит содержанию надписи, в которой говорится о признании Лугальзагеси странами «от восхода солнца до захода солнца» и о преклонении перед ним «всех вождей Шумера и *энси* всех чужих стран» (см. *Kramer. The Sumerians, p. 323*). По-видимому, номинальная власть Лугальзагеси признавалась за пределами Шумера вплоть до Верхнего моря, т. е., как мы допускаем, до района Урмийского озера. На правомерность такого предположения указывает и то обстоятельство, что шумеры еще в первой половине III тыс. до н. э. были знакомы с этим регионом, куда отправлялся царь Урук Энмеркар для завоевания страны Аратта (*Kramer. The Sumerians, p. 275*). Учитывая наличие контактов между шумерами и горными племенами Загроса, в частности, со страной Аратта, можно допустить, что жители Месопотамии уже в раннюю пору имели определенное представление об Урмийском озере. Месопотамия не была замкнутой страной. Ранняя месопотамская культура была представлена на обширной территории. Элементы убейдской культуры были обнаружены также в Азербайджане (см. *Массон. Ук. соч., с. 446; Нариманов И. Г. Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане.— В кн.: Всесоюзная археологическая конференция. Тезисы докладов. Баку, 1985, с. 271 сл.*).

вторгавшимися в Двуречье¹⁹. Предполагают, что после похода в северные области Элама Саргон завоевал страны Кутиум и Луллубум²⁰. К сожалению, надписи, составленные в период правления Саргона, не содержат прямых сведений о его походе в названные страны. Завоевания Саргона могли коснуться северо-восточных стран и во время других его походов. Согласно старовавилонским копиям его надписей, Саргону досталась огромная территория «от Верхнего моря до Нижнего моря»²¹. Если в Верхнем море, как мы предлагаем, видеть Урмийское озеро²², то эти сведения можно воспринимать как косвенные указания на поход в северо-восточном направлении. На это направление его похода может указывать также датировочная формула «годом, когда Саргон на Симурум пошел»²³. Страна Симурум была расположена на северо-востоке, в предгорьях Загроса на реке Малый Заб²⁴. Во время этих походов Саргон должен был соприкоснуться также с луллубеями и другими племенами. Возможно, что такие географические названия, как «Верхняя страна», «Горы благородных металлов», упомянутые в надписях Саргона²⁵, могли также подразумевать северо-восточные страны, включая и Приурмийские области, где обитали кутии, луллубеи ису²⁶.

В поздних надписях упоминаются походы Саргона против северных племен, в частности против страны Субарту²⁷, которая была расположена в Северной Месопотамии, начиная от гор Загроса до рек Хабур и Балих и далее на запад²⁸. Саргон покорила Субарту и захваченную добычу от-

---

¹⁹ *Poebel A. Historical Textes. Philadelphia, 1914, p. 185—189; Legrain L. Royal Inscriptions and Fragments from Nippur and Babylon. Philadelphia, 1926, p. 13—18; Hirsch H. Die Inschriften der Könige von Agade.— AfO, 1963, XX, S. 36, 46—47, 51—52.* Саргон захватил в плен Санамсдмута, энци Барахси, Сидгау, управителя Барахси, Луххипана, царя Элама и других, вывез большую добычу из Авана, Суз и прочих городов.

²⁰ *Cameron. Op. cit., p. 29.*

²¹ *Hirsch. Op. cit., S. 3—4, 36, 48.* В надписи речь идет о том, что «Энлиль дал ему Верхнее море и Нижнее море». Лугальзагеси также получает от Энлиля власть над странами Восхода и Захода солнца. Географический ареал в обоих случаях, по-видимому, должен быть одинаковым.

²² А. Камменхубер (*op. cit., S. 216, 236, 246*) допускает, что начиная с правления Нарам-Суэна под названием «Верхнее море» понималось Урмийское озеро.

²³ *Hirsch. Op. cit., S. 5.*

²⁴ Симурум отождествляют с совр. Алтын Кепрю (*Sayce A. H. The New Babylonian Chronological Tablets.— PSBA, 1899, XXI, p. 20; Cameron. Op. cit., p. 33; Дьяконов. История Мидии, с. 101, 117*). Э. Вайднер (*AfO, 1945—1951, 15, S. 75 f.*) его локализует в зоне Джебел Хамрина у реки Адем.

²⁵ Упомянутые в надписи страны Мари, Ярмути, Эбла были расположены на Евфрате и его притоках. Под «горами благородных металлов» подразумевались, вероятно, страны на востоке и северо-востоке от Тигра — Иран (*Kammenhuber. Op. cit., S. 217, 236*) и Кавказ (*Белицкий. Ук. соч., с. 90—91*), откуда привозили металл. Под страной «благородных металлов» подразумевались также территории на восток от Тигра, в частности Элам, который в аккадское время был поставщиком таких строительных материалов, как дерево, камень, металл (*Kammenhuber. Op. cit., S. 217, 247*).

²⁶ Территория Азербайджана, по свидетельствам средневековых источников (ср. прим. 16) также изобиловала различными металлами и минералами. Понятие «горы благородных металлов» абстрактно и не приложимо к какой-либо определенной стране. Однако на наш взгляд ясно, что здесь оно подразумевало близлежащие к Месопотамии горные страны, в том числе и Аратту.

²⁷ *Hirsch. Op. cit., S. 5.*

²⁸ *Fischer Weltgeschichte. B. 2, S. 103; Меликишвили. Напри-Урарту, с. 100; Дьяконов. История Мидии, с. 60; он же. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 116.*

правил в Аккад²⁹. Население Субарту в этническом и языковом отношении было неоднородным³⁰. Выступали ли вместе с субарейями против Саргона их восточные соседи, в частности кутии и су, сказать определенно невозможно. Даже в поздних надписях столкновения Саргона с кутиями и су не получили конкретного отражения. Зато луллубейская тематика занимала определенное место в устной и письменной традиции шумеров и аккадцев³¹. В поздних надписях и гимнах, описывающих царство Саргона³², отражено более или менее близкое знакомство со страной луллубеев. Экспансия Саргона в районы Верхнего моря, Верхних стран и Гор благородных металлов должна была коснуться также страны кутиев, луллубеев и су.

Начиная с правления аккадского царя Нарам-Суэна (2236—2200 гг. до н. э.) география покоренных стран на севере и северо-востоке становится более или менее отчетливой. В старовавилонской копии надписи этого царя говорится о завоевании Элама и Субарту вплоть до Кедровых лесов на западе и получении им дани от правителей (*энси*) Субарту и «владык (белу) горных стран»³³. В копии другой надписи Нарам-Суэн именуется «владыкой Верхнего моря», а также страны Кедрового леса, Эблы, Амана и Армана³⁴. Арман был расположен восточнее Тигра (на юго-запад от Сулеймани, между Диялой и Адемом), а остальные страны — западнее Евфрата и в Северной Сирии³⁵. Поскольку западные страны отмечены в надписи поименно, то под Верхним морем здесь совершенно явно подразумевается Урмийское озеро³⁶. Поскольку в надписях Нарам-Суэна конкретно называются страны запада (Кедровый лес, Аман), востока (Элам до Барахси) и севера (Субарту), то собирательное обозначение «владыки горных стран» должно относиться к мелким правителям северо-восточных регионов, в том числе к царькам кутиев, луллубеев и су. После походов против «владык горных стран» и стран Верхнего моря Нарам-Суэн должен был войти в прямой контакт с обитателями Загроса вплоть до бассейна Урмийского моря, в частности с жителями стран Кутиум и Луллубум,

²⁹ В позднеассирийской и нововавилонской хрониках также говорится о походе Саргона в Субарту для подавления восстания. После подавления восстания Саргон отправляет в Аккад добычу и военнопленных (*King L. W. Chronicles Concerning Early Babylonian Kings*. L., 1907, p. 25; *Ungnad A. Subartu*. B.—Lpz., 1936, p. 42 f.; *Gelb J. Hurrians and Subarians*. Chicago, 1944, p. 34).

³⁰ Ср. Дьяконов. Языки древней Передней Азии, с. 116.

³¹ В шумерских эпических сказаниях о Лугальбанде, предшественнике Гильгамеша (XXVIII в. до н. э.), и птице Анзу упоминается страна Лулуби (lu₃-lu₅-bi). В шумеро-аккадском географическом списке имеется шумерское название страны луллубеев как KUR.lu-lu-bi^{k[1]} и его аккадское соответствие ^[mat]Lul-lu-bi-e (*Klengel. Lullubum*, S. 350).

³² В надписи, составленной в ассирийское время и описывающей царство Саргона, указывается на протяженность пути по стране луллубеев. В шумерском гимне, приписываемом дочери Саргона, говорится о том, что она обошла Элам, Субир/Субарту и горы луллуби, войдя в самую глубину гор» (*Klengel. Lullubum*, S. 350).

³³ *Hirsch. Op. cit.*, S. 20, 72—73.

³⁴ *Ibid.*, S. 20, 74; в тексте речь идет о том, что бог Нергал открыл Нарам-Суэну путь и наряду с упомянутыми странами подарил ему и Верхнее море. В фрагментарном тексте (*ibid.*, S. 18) упоминаются «четыре части света» и «Верхнее море». Оно же упоминается в старовавилонской копии надписи Римуша (*ibid.*, S. 12, 66), который обозначается как «владыка над всеми странами, Верхним и Нижним морем и всеми горными (странами)».

³⁵ *Güterbock H. G. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei den Babyloniern und Hethitern bis 1200.*—ZA, 1934, 42, NF 8, S. 73—74; *Gelb. Op. cit.*, p. 103; *Kammenhuber. Op. cit.*, S. 235; Дьяконов. История Мидии, с. 126, прим. 6.

³⁶ Ср. также *Kammenhuber. Op. cit.*, S. 236—246.

а также с народом су, который, судя по поздним свидетельствам, обитал в той же зоне (см. ниже).

Военный успех Нарам-Суэна в Приурмийском регионе носил временный характер. Судя по позднему эпическому произведению «Царь Куты»³⁷, Нарам-Суэну приходилось испытать и горечь поражения: в тексте описывается, как он трижды посылает войска против вражеской коалиции 70 царей, но ни один воин не возвращается живым. Враги Нарам-Суэна при этом обозначены как *умманманда* — «войска Манды», термином, который позже применяется и для обозначения населения северо-восточных стран в зоне Урмийского озера³⁸. Легенда о царе Куты имеет религиозно-политическую направленность. Деятельность Нарам-Суэна представлена в нем как противная воле Энлиля — главного божества Ниппура. Эта же тенденция ясно видна и в другом эпическом произведении, органически связанном с вышеназванным, где описывается неудачное выступление Нарам-Суэна против храма Энлиля в Ниппуре. Для защиты города Энлиль призывает кутиев из гор, боги же, собравшись, посылают проклятие Аккаду³⁹. Это первое свидетельство о кутиях в период правления Нарам-Суэна, при этом они изображены в качестве союзников ниппурцев, т. е. в конечном итоге — шумеров. По-видимому, кутии еще во времена предшественников Нарам-Суэна находились в контакте с населением Двуречья. В позднем «Списке царей» упоминается имя Энридавазир/Энридапизир (вар. Эрридунизир) с титулом «могущественный, царь Кутиума и четырех стран света»⁴⁰. Как известно, последний титул впервые принял Нарам-Суэн. Тождество царских титулов дало повод считать Энридавазира современником Нарам-Суэна⁴¹. Энридавазир, видимо, был царем тех кутиев, которые вторглись в Ниппур⁴² и положили конец посягательствам отрядов Нарам-Суэна на храм Энлиля.

На основании этих поздних реминисценций можно полагать, что кутии поддерживали с Южной Месопотамией союзные отношения, выступая против аккадских царей. Нарам-Суэну приходилось отбиваться от натисков кутиев⁴³ и других племен. В этой борьбе ему, вероятно, помогал царь Элама Кутик-Иншушинак (2240—2190 гг. до н. э.), который был связан с Аккадом союзным договором⁴⁴. Кутик-Иншушинак предпринимает поход в зону Загроса и завоевывает около 70, видимо, мелких

³⁷ *Hirsch. Op. cit.*, S. 25—26, b-4.

³⁸ См. *Дьяконов. История Мидии*, с. 73 сл.; *он же. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам.* — ВДИ, 1951, № 2, с. 34 сл.; *Пиотровский Б. Б. Ванское царство.* М., 1959, с. 234; *Беляевский В. А. Война Вавилонии за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии.* — В кн.: *Исследования по истории стран Востока.* Л., 1964, с. 112—115, прим. 57—59, 67, где дана и соответствующая литература.

³⁹ *Hirsch. Op. cit.*, S. 24—25, b-1.

⁴⁰ *Poebel. Op. cit.*, p. 93, 134.

⁴¹ *Jacobsen T. The Sumerian Kinglist.* Chicago, 1939, p. 117.

⁴² По-видимому, Энридавазир овладел Ниппуром и оставил там свою надпись на аккадском языке (*Jacobsen. Op. cit.*, p. 117; ср. *Дьяконов. История Мидии*, с. 105).

⁴³ В свое время была высказана мысль о том, что Нарам-Суэн пал в битве с кутиями (*Güterbock. Op. cit.*, S. 47). Вместе с тем существует предположение, что неудачи преемников Нарам-Суэна в борьбе с кутиями были приписаны ему самому поздними легендами (*Kammenhuber. Op. cit.*, S. 243).

⁴⁴ Г. Камерон и В. Хинц считали, что партнером Нарам-Суэна по договору выступал эламский царь Хита (*Hinz W. Das Reich Elam.* Stuttgart, 1964, S. 63). Однако это предположение не подтверждается, поскольку имя Хиты в документе не фигурирует (см. *Юсифов Ю. Б. Элам. Социально-экономическая история.* М., 1968, с. 55; *Kammenhuber. Op. cit.*, S. 174 f.). Вероятно, этим правителем был Кутик-Иншушинак.

стран, в том числе и страну Кутиум (Ku-tu^{ki})⁴⁵, которую можно считать самым северным пределом завоеваний эламского царя. Было высказано предположение, что перечисленные в надписи страны преимущественно хурритские и луллубейские⁴⁶. Названия стран, которые предположительно можно поместить севернее и северо-западнее от Элама, содержат различные форманты: -h, -n, -r, -š с соответствующими гласными. Полагаем, что судя по этим формантам, население завоеванных эламским царем стран должно было состоять из луллубеев (формант -n-), кутиев (формант -š-), хурритов (формант -h-) и эламитов (формант -r-) (подчеркнем, однако, что этот вывод носит пока предварительный характер). Название страны Hutu-in^{ki} можно отождествить с названием города Hudun из надписи Ашшурназирпала⁴⁷. Этот город был расположен южнее Урмийского озера в зоне поздней Замуа. Таким образом, экспансия эламского царя Кутик-Иншушинака на севере, видимо, достигла районов Урмийского озера. Уже давно обращено внимание на то, что наличие названия Кутиум в надписи Кутик-Иншушинака свидетельствует о существовании контактов между эламитами и кутиями или со странами, откуда их отряды спустились в Месопотамию⁴⁸. Приведенные данные показывают, что эламиты на севере доходили до Урмийского озера. Страну Кутиум можно считать самым северным пределом завоеваний эламского царя. Следует отметить, что шумеры осуществляли связь с Араттой по дороге, ведущей от Суз и гор Аншана на север. По этой же дороге, видимо, совершил поход Кутик-Иншушинак. Следовательно, дорога, ведущая с юга на север до регионов бассейна Урмийского озера, была находившей с древнейших времен. По всей вероятности, Кутик-Иншушинак как союзник аккадского царя своим походом на север и северо-запад стремился преградить путь кутийским вторжениям в Месопотамию. Однако этот поход не привел к желаемым результатам. Вторжения восточных и северо-восточных племен в Месопотамию продолжались.

Враждебные действия кутиев, луллубеев и других племен против Аккада привели к созданию новой коалиции против Нарам-Суэна. В ней участвовали тот же город Нишпур, Симуррум (Шимуррум), против которого выступал еще Саргон, Намар и ряд других городов Двуречья⁴⁹. Намар (хур. Навар, поздний Намри) был расположен на востоке Месопотамии, в среднем и верхнем течении реки Диялы. Согласно хурритским преданиям, в Намаре во второй половине III тыс. до н. э. правили цари с хурритскими именами⁵⁰. Вероятно, тогда же Намар стал хурритской тер-

⁴⁵ *Varian G. A. The Royal Inscriptions of Sumer and Akkad. New Haven, 1929, p. 158.*

⁴⁶ *Дьяконов. История Мидии, с. 101.*

⁴⁷ *Luckenbill. Op. cit., I, p. 453, 457.* Лишь некоторые из завоеванных стран поддаются отождествлению и локализации (*Cameron. Op. cit., p. 37; Hinz. Op. cit., S. 65; Дьяконов. История Мидии, с. 101.*)

⁴⁸ *Cameron. Op. cit., p. 37—38.*

⁴⁹ *Hirsch. Op. cit., S. 25, b-3.*

⁵⁰ *Thureau-Dangin F. Tablette de Samarra.— RA, 1912, IX, p. 1—4; Hirsch. Op. cit., S. 32; Kammenhuber. Op. cit., S. 164 f.; Меликишвили. Напри-Урарту, с. 103—104; Дьяконов. История Мидии, с. 102, прим. 3; Алиев. История Мидии, с. 58.* В надписи, происходящей из Самарры (среднее течение Тигра), упоминается хурритское имя царя Арисена (A-ti-se-en), «царя Уркиша и Навара». Уркиш, который, вероятно, был постоянной резиденцией Арисена, ныне локализуется южнее Мардина, в треугольнике, образуемом рекой Хабур, между Рас-ал-Айном и Гамишши (*Kammenhuber. Op. cit., S. 164.*)

риторией⁵¹ в результате завоевания⁵². Временами эта страна входила в зону политического влияния луллубеев⁵³. Поскольку упоминаемый выше старовавилонский эпический текст неполон, конечную судьбу враждебной Нарам-Суэну коалиции определить невозможно. Лишь на основании других данных можно выявить, что эта коалиция, видимо, распалась. Из датировочной формулы известно, что Нарам-Суэну, по-видимому, удалось взять в плен правителя города Симуррума⁵⁴. Позже Симуррум упоминается наряду с Луллубумом. Так, царь III династии Ура Шульги (2093 — 2046 гг. до н. э.) несколько раз предпринимает поход против Симуррума и Луллубума одновременно⁵⁵. Вероятно, существовали и традиционные союзные отношения между обеими странами. Во всяком случае походы аккадских царей в Симуррум касались политических интересов также царства Луллубум. Со времени правления Нарам-Суэна луллубеи стали принимать непосредственное участие в коалициях, направленных против Аккада.

Имя луллубеев впервые было засвидетельствовано в подлинной надписи Нарам-Суэна на так называемой «Победной стеле», первоначально установленной в Сиппаре и впоследствии вывезенной эламским царем Шутрук-Наххунте I (1185—1155 гг. до н. э.) в Сузы⁵⁶. К сожалению, надпись на стеле повреждена и в интересующей нас части сохранилась лишь следующая: A[...]Si-dur u Sa-tu-ni Lu-lu-bi-im ir-hu-tu-ma[...]. «A[...] Сидурский и Сатуни Луллубейский объединились и затем (эту армию он, т. е. Нарам-Суэн. — Ю. Ю.) разбил[...].»⁵⁷ Полностью сохранилось лишь имя луллубейского царя Сатуни. Как явствует из надписи, Нарам-Суэн одержал победу над луллубеями и другими участниками битвы⁵⁸. В правление аккадского царя Шаркалишарри (2200—2175 гг. до н. э.) политические отношения с северо-восточными соседями осложняются. Современником его,

⁵¹ Дьяконов. История Мидии, с. 127. Согласно Г. А. Меликишвили (Наири-Урарту, с. 103 сл.), население Намара было не хурритским, а загро-эламским. По-видимому, в эту раннюю пору сюда проникали хурритские этноязыковые элементы, но страна впоследствии не стала хурритоязычной. В этой зоне Диялы политическое верховенство принадлежало луллубеям, а позже здесь преобладали касситы.

⁵² Kammenhuber. Op. cit., S. 170 f.

⁵³ Дьяконов. История Мидии, с. 127.

⁵⁴ Hirsch. Op. cit., S. 22, с-6.

⁵⁵ Lasseo J. The Shemshara Tablets. København, 1959, p. 15. Шульги предпринял в общей сложности три похода против Луллубума и пять — против Симуррума.

⁵⁶ Юсифов. Элам, с. 85; он же. Эламское sugir. — ИС, 1964, вып. 11 (74), с. 13, прим. 32; Hinz. Op. cit., S. 104. Шутрук-Наххунте так описывает свою победу: «Иншупинак, бог мой, помог мне. Сиппар я виспроверг, стелу Нарам-Суэна я забрал, и овладел ею, и в Элам отправил» (ср. König F. Die elamischen Königsinschriften. Graz, 1965, S. 14, 76, № 22).

⁵⁷ Thureau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, S. 166 f.; Barton. Op. cit., p. 142 f.; ср. также Hirsch. Op. cit., S. 17; Klengel. Lullubum, S. 351; Kammenhuber. Op. cit., S. 234; Дьяконов. История Мидии, с. 101.

⁵⁸ Место битвы точно неизвестно. Чаще всего предполагают, что это Дарбанди Гаур возле города Гара-Даг, юго-восточнее Сулеймани, где найден наскальный рельеф, который связывают с «Победной стелой» Нарам-Суэна (Smith S. Early History of Assyria. L., 1925, p. 96—98; Edmonds C. Y. Kurds, Turks and Arabs. L., 1957, p. 359 f.; Speiser. Op. cit., p. 88, not. 4; Lessoe. Op. cit., p. 14; Klengel. Lullubum, S. 351; Hirsch. Op. cit., S. 24, Anm. 255; Дьяконов. История Мидии, с. 101) и трактуют как изображение его победы над луллубеями. Однако в литературе отмечено, что аккадские цари, как правило, устанавливали стелы или статуи с надписью, но не оставляли наскальных изображений (см. Kammenhuber. Op. cit., S. 236). Стела Нарам-Суэна и наскальный памятник отражают единую композицию, но принадлежность последнего какому-либо царю установить невозможно (Strommenger E. Das Felsrelief von Darband-i Gaur. — Baghdader Mitteilungen, 1963, B. 2, S. 88).

вероятно, был луллубейский царь Иммашкун⁵⁹, имя которого засвидетельствовано в надписи из Богазкёя в следующем контексте: ^mIm-ma-aš-ku-un ib-ri e-we_e-er-ne [URU]Lu-ul-lu-e-ne-we_e «Имашкун, царь царей страны Луллубу»⁶⁰. Отсюда вытекает, что в стране Луллубум было «много царьков»⁶¹ (т. е., вероятно, племенных вождей), которые были подчинены власти верховного правителя. Возможно, что и Сатуни был таким царем объединенных луллубейских племен. Из сведений источников создается впечатление, что на северо-востоке сильное государство Луллубум существовало со времен Нарам-Суэна. Впоследствии луллубейские цари контролировали огромную территорию, простиравшуюся до пределов Месопотамии. Государство луллубеев особенно усиливается при царе Анубанини. Он, в отличие от своих предшественников, оставил наскальный рельеф с аккадской надписью, которая дает частичное представление о его политических успехах. В надписи говорится: ^mAn-nu-ba-ni-ni LUGAL Lu-lu-bi^{ki}-im ša-la-am-šu ù ša-lam¹¹ Ištar i-na ša-du-im Ba-ti-ir uš-zi-iz «Анубанини, царь могучий, царь Луллубума, изображение свое и изображение Иштар на горе Батир установил»⁶². После формулы заклинания⁶³ в фрагментарном контексте упоминается «Море Верхнее и Нижнее, которое... отец его и...». По-видимому, в тексте имеется в виду отец Анубанини, который, вероятно, также был царем. Судя по этому фрагментарному отрывку, кто-то из упомянутых лиц, скорее всего сам Анубанини, претендовал на власть над обширной территорией между Верхним (Урмийским озером) и Нижним (Персидским заливом) морями⁶⁴. В правление Анубанини южные границы луллубейского царства проходили по среднему течению реки Диялы, где и был обнаружен этот наскальный памятник⁶⁵. Как видно, в правление Анубанини, деятельность которого можно отнести к периоду, следующему за царствованием Шаркалишарри⁶⁶, было создано сильное Луллубейское государство. На юге влияние его простиралось, вероятно, вплоть до Персидского залива. Можно полагать, что территория поздней Манны, включая области восточнее Урмийского озера, входила в состав Луллубейского государства. Его население поддер-

⁵⁹ *Kammenhuber. Op. cit., S. 236.*

⁶⁰ *Klengel. Lullubum, S. 357; Kammenhuber. Op. cit., S. 167.*

⁶¹ О многочисленности луллубейских царей говорится в документах старовавилонского периода (*Lassoe. Op. cit., p. 77; Klengel. Lullubum, S. 355*).

⁶² *Thureau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, S. 172 f.; Barton. Op. cit., p. 150 f.*

⁶³ Заклинание направлено против того, кто уничтожит эту надпись, затем перечислены имена аккадских божеств: Ану, Адад, Син, Иштар, Шамаш и др.

⁶⁴ Г. А. Меликишвили (Напри-Урарту, с. 129) южные пределы завоеваний Анубанини доводит до Персидского залива; ср. также *Алиев. История Мидии, с. 67, 82, 156. И. М. Дьяконов (История Мидии, с. 102)* южные границы владений Анубанини связывает с местом находки его памятника. Х. Кленгель (*Lullubum, S. 354*) считает, что выражение «Верхнее и Нижнее море» в тексте не дает оснований для предположения о распространении власти Анубанини на огромной территории от Урмийского (или Ванского) озера до Персидского залива.

⁶⁵ Рельеф Анубанини обнаружен восточнее среднего течения реки Диялы по дороге к Кирманшаху, в местности Сар-и Пул, у города Зохаба (*Herzfeld E. Iran in the Ancient East. L.— N. Y., 1941, p. 183; Barton. Op. cit., p. 150; Speiser. Op. cit., p. 88—89; Hirsch. Op. cit., S. 32; Klengel. Lullubum, S. 354; Kammenhuber. Op. cit., S. 236, Anm., 162; Меликишвили. Напри-Урарту, с. 48, 128; Дьяконов. История Мидии, с. 102; Алиев. История Мидии, с. 82*).

⁶⁶ Наскальный памятник Анубанини относили ко времени правления Аккадской династии (*Hirsch. Op. cit., S. 32; Меликишвили. Напри-Урарту, с. 129; Дьяконов. История Мидии, с. 102*), к промежутку между правлениями III династии Ура и Гугунума (1932—1906 гг.) (*Kammenhuber. Op. cit., S. 236*) или же к периоду, предшествующему раннему старовавилонскому царству (*Klengel. Lullubum, S. 354*).

живало связь с Месопотамией⁶⁷ и испытывало на себе влияние ее культуры⁶⁸. По всей вероятности, луллубеев, а также кутиев, испытавших воздействие шумеро-аккадской культуры, можно отнести к месопотамскому культурному ареалу⁶⁹.

Кутийские правители свои действия направляли против Аккадского государства. Поход Кутик-Иншушинака на северо-западные страны не приостановил натиск кутиев на Месопотамию. В правление Шаркалишарри кутии оказывают весьма активное давление на Месопотамию. В одном из писем этого периода выражается беспокойство действиями кутиев, приведшими, видимо, к срыву полевых работ и сокращению поступления скота в город. В связи с этим Ишкун-Даган (современник Шаркалишарри) обязуется возместить нанесенный кутиями ущерб⁷⁰. Шаркалишарри предпринимает меры против вторжения кутиев. В одной из шумерских датировочных формул, приписываемой Шаркалишарри, упоминается битва против Кутиума⁷¹. Аккадская датировочная формула повествует о победе Шаркалишарри над царем кутиев Сарлагом⁷², который отождествляется с Сарлагабом списка кутийских царей⁷³. Один из неопубликованных текстов из Адаба содержит имя Ашшарлак⁷⁴, которое также отождествляют с именем Сарлагаба⁷⁵. Поскольку Сарлаг попал в плен к Шаркалишарри, то можно полагать, что битва происходила где-то на территории Месопотамии. Вероятно, попытки захвата Аккада кутиями предпринимались уже в этот период.

⁶⁷ Так, между населением Гасура (поздняя Нузи) и луллубеями существовали контакты. Луллубеи взамен зерна поставляли скот (см. *Klengel. Lullubum*, S. 351 f.; *Янковская Н. Б.* Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Л., 1982, с. 12). По-видимому, в Луллубуме экономические контакты его жителей с населением Месопотамии не находились под контролем государственной власти. И. М. Дьяконов (История Мидии, с. 102) полагал, что государство луллубеев было создано хурритами или аккадцами. Однако нет никаких оснований отрицать возможность создания государства и самими луллубеями. Это видно из аккадских источников. К тому же древнехурритские царские списки причисляют Луллубум к вполне развитым государствам с царем во главе (*Kammenhuber. Op. cit.*, S. 236).

⁶⁸ В свое время отмечалось сильное влияние вавилонской культуры на луллубеев (*Меликишивили. Наири-Урарту*, с. 129; ср. *Дьяконов. История Мидии*, с. 140). Что же касается шумеро-аккадской культуры, то влияние ее на жизнь луллубейского общества нам известно гораздо хуже. Некоторые данные об этом можно извлечь также из наскального рельефа Агубанини. Уже самое появление памятника подобного рода можно рассматривать как факт заимствования луллубеями элемента шумеро-аккадской культуры. Рельеф является локальным подражанием месопотамским образцам (*Klengel. Lullubum*, S. 355); в его создании несомненно принимали участие луллубейские мастера, которым были знакомы аккадский язык и аккадские исторические традиции создания «победных» памятников с надписями. На то же влияние указывают использование мастерами аккадской письменности при составлении текста, а также заимствование лексики из надписей династии Саргонидов («Верхнее и Нижнее моря») и перечисление в формуле заклинания имен аккадских божеств.

⁶⁹ Благодаря заимствованию клинописи в шумеро-аккадский период образовалась обширная культурная зона, которая включала в себя шумеро-аккадский центр и периферийные соседние государства — Элам, Субарту (*Kammenhuber. Op. cit.*, S. 244 f.). К этой культурной зоне примыкали также страны Аратта, Луллубум и Кутебум, цари которых применяли клинопись при составлении своих надписей.

⁷⁰ *Hirsch. Op. cit.*, S. 30.

⁷¹ *Thureau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, S. 226e; *Ungnad A. Datenlisten.* — RLA, 1938, 2, p. 133e; *Hirsch. Op. cit.*, S. 29.

⁷² *Thureau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, S. 225c; *Ungnad. Datenlisten*, S. 133c; *Hirsch. Op. cit.*, S. 29; *Kammenhuber. Op. cit.*, S. 238—241.

⁷³ *Jacobsen. Op. cit.*, p. 118 f.

⁷⁴ Aš-sar-la-ak/Éš₄-sar-la-ak. Возможна передача š посредством s.

⁷⁵ *Kammenhuber. Op. cit.*, S. 241.

После смерти Шаркалишарри ⁷⁶ в Аккадском государстве наступает время безначалия (2175—2172 гг. до н. э.). Частые вторжения первых кутийских царей в Месопотамию и создание коалиций, в которых участвовали и луллубейские цари, постепенно ослабили и затем привели к падению Аккадское государство. Вероятно, кутийский царь Элулумеш положил конец существованию государства Саргонидов ⁷⁷. Господство кутиев в Месопотамии продолжалось около ста лет ⁷⁸. Последний кутийский царь в Месопотамии Тирикан пал в период около 2109 г. до н. э. от руки Утухегаля, царя Урука ⁷⁹, после которого власть перешла к III династии Ура (2112—1997 гг. до н. э.).

Из письменных источников создается впечатление, что кутии и, возможно, луллубей имели мирные контакты с Южной Месопотамией, т. е. с шумерами. Лишь после прихода к власти Аккадской династии этим традиционным отношениям был нанесен ущерб. Кутии и другие племена поддерживали борьбу шумеров (см. выше о событиях в Ниппуре) против Нарам-Суэна. К тому же захватнические устремления аккадских царей беспокоили эти племена, и они в свою очередь стали совершать постоянные вторжения в Месопотамию. Именно наличием традиционных мирных сношений между шумерами и названными племенами можно объяснить тот факт, что после установления кутийской власти в Месопотамии шумерский юг управлялся своими правителями, номинально подчиненными кутиям.

Кутийское владычество не исчезло бесследно, оставив свой отпечаток, в частности, в истории III династии Ура. Наместник Лагаша при царе III династии Ура Шу-Суэне (2046—2038 гг. до н. э.) Урдунанна имел множество титулов, в том числе титул «энси страны кутиев» (Qu-te-bu-um^{ki})

⁷⁶ Согласно позднему свидетельству, Шаркалишарри был убит (Fischer Weltgeschichte, S. 114; AfO, 1963, 20, 13a, 16a, 30).

⁷⁷ Согласно «царскому списку», в период безначалия в Аккадском государстве появились претенденты на власть. Среди них последним упомянут Элулу, которого отождествляют с кутийским царем Элулумешем (Jacobsen. Op. cit., p. 112, 207; Hirsch. Op. cit., S. 31; Fischer Weltgeschichte, S. 11; ср. также Дьяконов. История Мидии, с. 105 сл., 110; он же. Шумер, с. 239; Алиев. История Мидии, с. 154, прим. 3). «Царский список», составленный при III династии Ура, отображает победу кутиев не над Аккадом, а над Уруком. Возможно, что Урук был завоеван после Аккада или же захват Урука расценивался как падение всего Аккада (Jacobsen. Op. cit., p. 116 f.; Poebel. Op. cit., p. 80; Fischer Weltgeschichte, S. 97). Старовавилонские документы отмечают падение Аккада (Hirsch. Op. cit., S. 32).

⁷⁸ Конец кутийского владычества датируют 2109 или 2104 годом (см. Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976, с. 181). Продолжительность кутийского владычества в Месопотамии определяют в 91 год (Jacobsen. Op. cit., p. 120 f.) и даже 40 лет (Hallo W. W. Gutium.— RLA, 1971, III, 9, p. 708—720, § 2). В общей сложности кутийские цари, видимо, правили 125 лет (Poebel. Op. cit., p. 93; Barton. Op. cit., p. 242 f.). О правлении кутийских царей см. Дьяконов. История Мидии, с. 104—114; он же. Шумер, с. 237—247. Если исходить из последней цифры, то начало правления Эридавазира можно условно датировать 2234 годом.

⁷⁹ Thureau-Dangin F. La fin de la domination gutienne.— RA, 1912, IX, p. 111 f.; Poebel. Op. cit., p. 135; Kramer. The Sumerians, p. 324—326; Sauren H. Der Feldzug Utuhengals von Uruk gegen Tirikan und das Siedlungsgebiet der Gutäer.— RA, 1967, 56, № 1, S. 75—79. Выказано мнение, что вся отредактированная во время III династии Ура древнешумерская литература о кутиях в историческом аспекте может быть использована условно (Kammenhuber. Op. cit., S. 242). То же самое можно сказать о литературном сочинении, описывающем действия кутиев в весьма отрицательном свете (см. Kramer. The Sumerians, p. 324—326). Негативные отношения к кутиям, вероятно, было результатом реакции Утухегаля и его сторонников, вызванной действиями кутийского царя Тирикана и его отрядов, а не всех кутиев, которые спокойно царствовали в Месопотамии длительное время. Обвинения в адрес кутиев в названном сочинении, как нам кажется, можно считать преувеличенными (ср. Беллицкий. Ук. соч., с. 144).

и «справителя над людьми страны Су» ($L^U Su^{ki}$)⁸⁰. Возможно, что Урдунанна носил пышный титул «энси Кутебума», оставшийся в наследство от бывшего кутийского владычества в Месопотамии⁸¹. Несмотря на отрывочность и противоречивость сведений, можно полагать, что кутии имели своих царей еще до окончательного завоевания ими Аккада.

Судя по титулу Урдунанны, имелась некая «страна людей Су», которая также подчинялась царям III династии Ура. Впоследствии (2003 г. до н. э.) люди су наряду с эламитами приняли непосредственное участие в разгроме III династии Ура⁸². Происхождение и место обитания людей су еще точно не установлено. Название $L^U Su$, $L^U Su^{ki}$, $L^U Su-a$, $L^U Su-a^{ki}$ было известно в Месопотамии с III тыс. до н. э.⁸³ Этноним су отождествляли с шумерским названием Северной Месопотамии — Субир⁸⁴. В текстах I тыс. до н. э. *su* — сокращенная передача названия *Su-bir*, а в документах III династии Ура, шумерских литературных текстах старовавилонской копии и т. д. *su* является обозначением, как полагают, восточных и северо-восточных этнических групп, обитавших в горах Загроса⁸⁵. В ассирийских надписях второй половины II тыс. до н. э. субарей порой перечисляются рядом с кутиями и луллубеями⁸⁶, что позволяет отличать западных субареев от восточных, локализуемых ближе к регионам обитания кутиев и луллубеев. В этой связи привлекают внимание выражения *Lu-lu L^U Su-a^{ki}* «Лулу страны Су/а/» и *Lu-lu Šubur*⁸⁷ «Лулу страны субареев». Лулу — либо имя собственное, либо показатель этнической принадлежности. Это, по нашему мнению, указывает на смешанный этноязыковый характер населения страны Су, где обитали и носители этнонима луллу или луллуби. Отличаясь по своему этноязыковому составу, племя су включало в себя и восточную группу субареев, среди которых были также луллубеи. Название страны Аратта порой передается шумерограммой *SU.KUR.RA*⁸⁸, что может означать «страна Су». По-видимому, Аратта, Луллубум и Су были разными названиями соответствующей страны в бассейне Урмийского озера. Это же озеро подразумевают хеттские тексты, в которых страна луллубеев помещается на берегу моря⁸⁹.

По всей вероятности, жителями Приурмийской зоны были также турукки. Имя племени *turukki/turuki* упоминается поздними ассирийскими источниками при описании протяженности государства Саргона Аккадского⁹⁰. Этноним турукки твердо засвидетельствован в надписях с начала

⁸⁰ *Thureau-Dangin*. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, S. 148, *Barton*. Op. cit., p. 268 f.

⁸¹ И. М. Дьяконов (История Мидии, с. 118) допускает, что вся территория по Тигру и за Тигром подчинялась этому наместнику Лагаша.

⁸² *Gelb*. Op. cit., p. 39; *Edzard D. O.* Die «Zweite Zwischenzeit» Babylonien. Wiesbaden, 1957, S. 48—51; *Fischer Weltgeschichte*, S. 161.

⁸³ *Gelb*.. Op. cit., p. 24—26.

⁸⁴ См. различные мнения: *Gelb*. Op. cit., p. 1 f., 15 f., 24 f. И. М. Дьяконов (Языки древней Передней Азии, с. 113; АВИИУ, № 10, прим. 27) переводил Субир как «степь Су». Название Субир/Субар отождествляли с позднейшими этнонимами: саспейр, сапир, сабир, савир/сувар (*Dhorme P. Soubartou-Mitani*.— RA, 1911, 8, p. 98 f.).

⁸⁵ *Gelb*. Op. cit., p. 24—26; Дьяконов. История Мидии, с. 118; он же. Шумер, с. 270, прим. 74; *Fischer Weltgeschichte*, S. 151, 161; *Edzard D. O.*, *Kammenhuber A.* Hurriter, Hurritisch.— RLA, 1971—1975, IV, S. 508.

⁸⁶ *Luckenbill*. Op. cit., I, § 73, 125, 138, 142, 155, 170, 190; *Gelb*. Op. cit., p. 46.

⁸⁷ *Gelb*.. Op. cit., p. 26, 32, 103.

⁸⁸ *Edzard*. Op. cit.

⁸⁹ *Repertoire Géographique des Textes Cunéiformes*. VI. Wiesbaden, 1978, S. 13, not. 49.

⁹⁰ *Klengel H.* Das Gebirgsvolk der Turukkū in den Keilschrifttexten althabylonischer Zeit.— *Klio*. Beiträge zur alten Geschichte, 1962, Bd. 40, S. 6.

II тыс. до н. э. при правлении Шамши-Адада I (1813—1781), Хаммурапи (1792—1750) и позже при Ададнерари I (1307—1275). Как и луллубеи, турукки проникали в регионы Месопотамии через Загросские горы севернее Сулеймании, вторгались на равнину Раниа и даже оккупировали ее⁹¹. Турукки поддерживали контакты с хурритами через равнину Раниа, расположенную на правом берегу Нижнего Заба северозападнее Сулеймании, где они засвидетельствованы в начале XVIII в. до н. э. Население бассейна Урмийского озера в начале II тыс. до н. э. поддерживало торговые сношения с хурритским Хабуром в Северной Месопотамии⁹². Существование торгово-экономических контактов привело к взаимовлиянию хурритов и населения Приурмийской зоны. Мысль о хурритском происхождении ряда туруккских имен⁹³, в частности Зазия и Зилия, вряд ли может быть принята. Почти аналогичные имена, а именно Зизи и Залая, носили предводители поселений Гизилбунды, расположенной на границе Манны с Мидией⁹⁴. Вероятно, турукки занимали пространство от Урмийского озера до юго-восточной маннейской области Гизилбунды. Очевидно, алтайские слова *аратта* «гора» в Алатае — «горная страна», а также другие топонимы (к которым автор вернется в другой статье) возникли на почве языка турукков и других племен, обитавших на территории Азербайджана. Исходя из сказанного, можно полагать, что племена, известные под названием су, турукки и луллубеи, были разноназванными жителями страны Аратта и, вероятно, принадлежали к алтайской языковой общности⁹⁵. Среди населения древнего Азербайджана были также иноязычные этнические группы. Во времена III династии Ура племя су занимало также территорию в горах Загроса, где оно обитало вместе с кутиями и луллубеями из юго-западных и южных регионов Урмии. В более поздних источниках можно найти подтверждение этому. Так, в надписях Саргона II упоминается *mātSu-u-bi*, т. е. страна Сувби/Суби. Надпись гласит: *a-na mātSu-ù-bi na-gi-i ša nišemeš mātUr-ar-ti mātMan-na-a-a i-qab-bu-šū-ni* — «...область Суби, жителей которой люди Урарту маннеями называют»⁹⁶. Судя по надписи Саргона II, население западной и юго-западной части Урмийского озера называлось *Su-ù-bi*⁹⁷, хотя официальные урартские и ассирийские надписи эту страну в целом обозначают как Мана/Манна. Это позволяет нам заключить, что западные и юго-западные зоны Урмийского озера были населены этническими груп-

⁹¹ Lasseo J. The Shemshara Tablets. København, 1959, p. 20, 31, 45.

⁹² Hamlin C. The Early Second Millenium Ceramic Assemblage of Dinkha Tepe.— Iran, 1974, XII, p. 126—132.

⁹³ Klengel. Das Gebirgsvolk..., S. 17—18.

⁹⁴ Thureau-Dangin. Une relation..., p. 12.

⁹⁵ Имя Лулу встречается в Египте и Эламе (см. прим. 114). При правлении гуинского царя Моде усиливается династия Лули (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I, с. 48—49). Ср. также сюнийский (гуинский) титул правителя лули-ван, т. е. «справитель лули», но значение гуинского слова неизвестно (см. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984, с. 33 сл.).

⁹⁶ Thureau-Dangin. Une relation..., p. 28; Luckenbill. Op. cit., II, § 142, p. 74. И. М. Дьяконов (АВИИУ, 49, 167, с. 326) дает такой перевод: «Область Суби, которую люди Урарту называют страной манеев». Однако в тексте речь может идти об этническом обозначении населения этой области Манны.

⁹⁷ Страну Суби помещали в северо-восточном углу Урмийского озера (ср. Дьяконов. АВИИУ, 49, прим. 43; Меликишивили. Наири-Урарту, с. 46, 107 сл.; Арутюнян Н. В. Бпайнили. Ереван, 1970, с. 285, прим. 409; с. 302, прим. 515; прим. 94), что не соответствует обстоятельствам похода Саргона: границы Суби примыкали к Урарту с запада и юго-запада Урмийского озера.

пами, называемыми *суби*. В названии Su-ú-bi ясно выделяется этнический компонент su-ú/suw. К этнониму su-ú/suw, вероятно, восходят названия горы ^{sād}Su-ú-ia и страны ^{māt}Su-um-bi. Судя по надписи Саргона II, область Сумби была расположена в луллубейской (^{māt}Lu-lu-me-e) стране Замуа, а гора Суя — поблизости от маннейской области Сурикаш, куда входили земли южнее Урмийского озера, включая Аратту ⁹⁸. Таким образом, этноним su-ú/suw/sum, оформленный различными суффиксами, в частности -bi — формантом множественного числа ⁹⁹, засвидетельствован на западе, юго-западе, на юге Урмийского озера. В двух случаях этноним относится к населению периферийной территории Манны. Однако не исключено, что b/w в названиях Sub-ir, Suw-bi является окаменевшим суффиксом принадлежности, а m в названии Sum-bi — диалектным вариантом w. В таком случае можно предположить следующую закономерность

образования этнонима: I. Su $\xrightarrow[\phi, a]{b}$ w/m; II. Sub/w $\rightarrow$ -bi $\rightarrow$ -ir.

деленная часть населения Западной и Южной Манны носила название *су*, которое можно отождествить с именем народа *су* шумеро-аккадского времени. Древний этнос су/сув в своем северном передвижении, вероятно, дошел до Закавказья ¹⁰⁰. Вероятно, в III тыс. до н. э. су входили в состав сначала Аратского, затем кутийского и луллубейского государственных образований.

К сожалению, предположения относительно языка кутиев и луллубеев все еще являются гипотетичными. Один из первых исследователей эламского языка Г. Хюзинг высказал мнение о принадлежности кутийского и луллубейского языков к эламскому, а последний причислил их к кавказской семье языков. Появившиеся после этого суждения о языке кутиев и луллубеев в различных вариациях восходят в конечном итоге к его мнению ¹⁰¹.

⁹⁸ Thureau-Dangin. Une relation... I, S. 4—8; Дьяконов. ВВШУ, 49, 6, с. 321—322. В начале похода на Зикирту и Андия Саргон II называет в числе Семи гор также гору Суя, перевалив через которую, он переходит реку Аратскую и вступает в Манну. Сумби также примыкала к Суби и может быть локализована к южнее Урмийского озера.

⁹⁹ Юсифов. О языках..., с. 68.

¹⁰⁰ Вероятно, с этнонимом *су/суб/сув* можно отождествить название раннесредневекового племени цовде, происхождение которого остается загадочным. Племя цовде относилось к роду Арана, первого легендарного царя Албании (Северный Азербайджан). Моисей Хоренский (История Армении, кн. II, 8) передает этноним в форме *сowde*, а Етише (История, тт. I, II) отмечает формы *sawde*, *sode*. Почти аналогичное название носило племя *sodi* (Шлиппер, VI, 10, 29), обитавшее в Южном Дагестане или на западе Азербайджана. Формант -de в некоторых дагестанских языках появляется показателем множественного числа (см. Бокарев А. А. Очерк грамматики чамалинского языка. М., 1949, с. 26, 28; Дирр А. М. Материалы для изучения языков и наречий андийско-дидонской группы. Тифлис, 1909, с. IV, 1, 12, 22, 33, 52, 56, 79; Шауляян Р. М. Яфетические языки «шахдагской подгруппы». — Язык и мышление, 1940, X, с. 183). Этноним *су-суб-сув* можно связать, видимо, с названием нахского племени *сowa*, которое отождествляли со страной Цупанц урартских источников и страной Цопк армянских авторов (см. Меликишвили. Наири—Урарту, с. 88—89; он же. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 120, 168), и названием Sav, данным сванам карачаево-балкарцами. (см. Мусеев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984, с. 156).

¹⁰¹ Hüsing G. Der Zagros und seine Völker. — Der alte Orient, 1908, IX, 3/4, S. 19 f. Г. Камерон (op. cit., p. 35) впоследствии также причислял кутийский и луллубейский к эламскому языку. На основании ряда топонимических терминов и суффиксов соответствующего региона А. Шпайзер (op. cit., p. 88) объединял кутийский, луллубейский и эламский в загрскую группу языков. Г. А. Меликишвили (Наири—Урарту, с. 120) принимал эламский, каспийский, кутийский и луллубейский за родственные между собой языки и относил их к загро-эламской группе, подчеркивая близость ее к кавказским языкам. Е. Херцфельд (Archaeological History of Iran. L., 1935, p. 2) полагал, что эламиты, каситы, луллубей, кутии и другие принадлежали к одной и той же этнолингвистической группе. И. М. Дьяконов (История Мидии, с. 101, 110) относил ку-

Однако конкретные данные, на основе которых выводилось родство между названными языками, отсутствуют. О словарном составе кутийского языка почти не сохранилось никаких сведений. В позднеассирийских словарях кутийская лексика повреждена¹⁰². Кутийский языковой материал представлен лишь именами собственными¹⁰³, часть которых имеет аккадское происхождение, часть — не имеет аналогий в ономастике соседних народов. Засвидетельствованная кутийская ономастика весьма отлична не только от эламской, но и от шумерской, луллубейской, хурритской и касситской. В некоторых кутийских именах выделяется слово lag/lak. Текст из Адаба называет Ашшарлака (Aš-šar-la-ak), которого отождествляют с кутийским царем Сарлагом¹⁰⁴. Вероятно, форма Ашшарлак более близка к подлинному кутийскому имени, которое в клинописной передаче могло иметь и форму Assarlag/Sarlag. Если допустить, что кутийские имена были теофорными, то компонент Ашшар/Ассар (Assar/Assar) можно принять за имя кутийского божества. Однако подлинные имена кутийских божеств нам неизвестны. Судя по надписи кутийского царя Лаерабума, кутийский пантеон, вероятно, возглавляла богиня Иштар¹⁰⁵, кутийское соответствие которой неизвестно. Вторым перечислено имя аккадского бога Сина. Спустя тысячу лет среди почитаемых в Ассирии божеств фигурирует имя бога Ассара¹⁰⁶. Возможно, что Ассара является привнесенным в Ассирию древним божеством, следы которого ведут к кутийскому имени собственному.

Этническое название кутиев отражено в источниках в формах Qu-tu^{ki} (эламо-аккадская передача), Qu-ti-um^{ki}, Qu-tu-um^{ki}, Qu-ti-im^{ki}, Qu-te-bu-um^{ki} (шумеро-аккадская передача с окончанием именительного паде-

тийский и луллубейский к эламскому, указав на вероятность родства кутийского языка с языком кавказских албанов, о характере которого какие-либо сведения отсутствуют. Однако кавказоязычность албанов не доказана; более того, подобная трактовка этнолингвистической принадлежности албанов нуждается на наш взгляд в пересмотре. Впоследствии в своих работах (Языки древней Передней Азии, с. 87—88; Языки Азии и Африки. III. М., 1979, с. 38) Дьяконов отрицал существование луллубейского этноса, а кутиев по языку относил к северо-восточнокавказской группе языков. И. Алиев (История Мидии, с. 65, 67, 80—81, 83) также придерживается гипотезы, сближающей кутийский с кавказской семьей языков, а луллубейский — с касситским и эламским языками. А. Камменхубер (op. cit., S. 159, 161, 236) отрицала принадлежность луллубейского языка к эламскому или хурритскому языковому ареалу.

¹⁰² Frank C. Fremdsprachliche Glossen in assyrischen Listen und Vokabularen. — Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft, 1928—1929, IV, S. 41.

¹⁰³ Poebel. Op. cit., p. 93, 134 f.; Fischer Weltgeschichte, S. 96; Jacobsen. Op. cit., p. 118 f.; Дьяконов. История Мидии, с. 107.

¹⁰⁴ Kammenhuber. Op. cit., S. 241.

¹⁰⁵ Istar^{mes} Gu-ti-um^{ki} Istar ù Sîn (Barton. Op. cit., p. 170 f.): «Боги Кутиума» — Иштар и Сина».

¹⁰⁶ А. Унгнад (Ahura-Mazdah und Mithra in assyrischen Texten? — OLZ, 1943, Jg 46, № 5/6, S. 193—197) опровергает отождествление Ассара и Мазаш с иранским божеством Ахурамаздой (см. также Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира. История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 147, прим. 24). Делались попытки представить его как хурритское божество (Duchesne-Guillemin J. Zoroastre. Etude critique avec une traduction commentée des Gathas. P., 1948, p. 108). М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин (Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 306) допускают возможность отождествления Ассара с иранским Ahura и при этом ссылаются на новую датировку соответствующего текста VIII—VII вв., а не XIII в. до н. э., как прежде (Frankena R. Takultu. Leiden, 1954, S. 1). Однако если допустить, что переход индоарийского s в иранское h (Mironov N. D. Aryan Vestiges in the Near East of the Second Millennium B. C. — AO, 1933, XI, Pt. I, II, p. 201 f.) произошел в начале I тыс. до н. э., то имя божества должно было отразить это характерное для иранских языков фонетическое изменение. Ассара является одним из древних, в данном случае, вероятно, кутийских божеств, которое сохранилось в пантеоне ассирийцев.

жа)¹⁰⁷. В последнем названии имеется формант -b, который отсутствует в других передачах. Такой же формант имеется в этническом названии луллубеев. Наши представления о луллубейском языке также ничтожны. Известно несколько имен собственных и одно луллубейское слово ki-û-gi-um, соответствующее аккадскому ilu «бог»¹⁰⁸. Луллубейское слово оформлено аккадским именительным падежом. Луллубейское kiur обнаруживает внешнее и семантическое сходство с эламским kiri «божество, владыка» и касситским kigi «владыка, господин»¹⁰⁹. Однако в эламском значение «бог, божество» передает и слово пар, а в касситском — mašhu. Вероятно, эламское kiri и касситское kigi являются заимствованными из луллубейского языка¹¹⁰. Тогда истоки распространения этого слова надо искать в регионе обитания луллубейских племен. Оно попало в другие языки в результате контактов.

Ономастический материал также не дает основания для установления родства луллубейского языка с древними языками Передней Азии. Ранняя луллубейская ономастика состоит из имен Имманкун(и), Сатуни и Анубанини. Значение имен на луллубейской языковой почве неизвестно. Из этих имен можно выделить окончания -ni, n(i). Неаккадское окончание имени Анубанини наводит на мысль, что оно является луллубейским. Поскольку текст, в котором встречается имя, составлен по-аккадски, то и имя, вероятно, имело аккадизированную форму¹¹¹. Судя по содержанию надписи Анубанини, луллубеи поклонялись мужскому началу. В перечислении богов Анум (шумерский бог неба) стоит на первом, а богиня Иштар — на шестом месте¹¹². Из сведений источников вытекает, что в III тыс. до н. э. луллубейский пантеон возглавляло мужское божество, а в кутийском пантеоне пережиточно сохранилась главенствующая роль женского. Понятно, однако, что характер пантеонов не дает основания

¹⁰⁷ Barton. Op. cit., p. 268; Thureau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königinschriften, S. 225—226; Ungnad. Datenlisten, S. 133 c.

¹⁰⁸ Frank. Fremdsprachliche Glossen..., S. 42.

¹⁰⁹ Ibid., S. 39. Ср. также имя эламского божества Kiri-riša «Великая богиня». Ср. касситское имя Kiri-galzu «Пастырь касситов» (Balkan K. Kassitenstudien. New Haven, 1954, S. 66—67).

¹¹⁰ В грузинском языке сохранилось слово mert'i «бог», которое возводят к луллубейскому kiur (Меликишвили. Напри-Урарту, с. 127, прим. 2). Оно, видимо, попало в картвельские языки в результате древних контактов.

¹¹¹ Имя Анубанини связывали с именем эламского божества Humban (Hüsing. Op. cit., S. 18; Speiser. Op. cit., p. 89), но это отождествление маловероятно с филологической точки зрения. Ряд ученых отдает предпочтение аккадскому происхождению этого имени (см. Меликишвили. Напри-Урарту, с. 129; Дьяконов. История Мидии, с. 102). Было предложение читать начало имени как An^{nu} и принять его за имя бога Анум, при этом учитывая, что в аккадских надписях этого периода не всегда отражается «мимация» (Дьяконов. История Мидии, с. 102, прим. 4), однако в надписи Анубанини имя шумерского божества, перечисленного первым, заимствовано в форме An-nu-um («(бог) Аннум»). В легенде «Царь Куты» упоминается имя DINGIR-ba-ni-ni (Hirsch. Op. cit., S. 32 со ссылкой на литературу). В соответствии с этим в первой части имени Анубанини, по-видимому, надо признать слово со значением «бог». Возможно, что An-ni является искаженной или приспособленной к аккадскому языку формой субарейского слова epe «бог» (см. Oppenheim L. Studien zu den nichtsemitischen Nuzi-Namen.— AfO, 1937, 12, S. 32, где приведены нузийские имена, содержащие слово «епе»).

¹¹² Анубанини в своей надписи сообщает, что он поместил на горе изображения свое и Иштар. На этом основании полагают, что богиня, соответствующая семитской Иштар, в луллубейском пантеоне стояла на первом месте (Меликишвили. Напри-Урарту, с. 129). Однако, как мы говорили, порядок перечисления божеств свидетельствует против этого. По-видимому, семитской Иштар в луллубейском пантеоне соответствовала богиня победы, а Ануму — верховный бог неба луллубеев.

выявить черты языкового родства луллубеев и кутиев с соседними народами, в том числе с эламитами ¹¹³.

Судя по поздним передачам, этноним «луллубей» мог содержать форманты -b/-be, -me, -hhi ¹¹⁴. Последний формант — хурритский суффикс принадлежности. Форманты -b/-be, -me можно принять за диалектные разновидности, выступающие в качестве (если формант не имеет семантического значения вроде «племени») показателей множественного числа. Таким образом, -be, по-видимому, является суффиксом в названиях Луллубум и Кутебум. Принадлежал ли этот формант луллубейскому или кутийскому языку? Поскольку этот формант не всегда присоединялся к названным этнонимам, то надо полагать, что формант -be принадлежал языку-передатчику этих этнонимов, т. е. каких-то соседей кутиев и луллубеев. Хетты и хурриты не могли быть посредниками в передаче этих этнонимов, так как в их языке отсутствует подобный формант с аналогичной функцией. Из древних языков лишь в эламском имеется формант -be как показатель множественного числа. Это послужило причиной для предположения, что кутийский и луллубейский являются родственными эламскому языку ¹¹⁵. Но эламо-аккадская надпись второй половины III тыс. до н. э. передает название страны Кутеум без форманта -b ¹¹⁶. Лишь в поздних источниках встречаются этнонимы с аналогичным формантом ¹¹⁷, локализуемые в зоне Урмийского озера. Можно полагать, что соответствующие этнонимы попали в шумеро-аккадские источники через посредство носителей языка, в котором -be был формантом множественного числа, причем носители этого языка должны были обитать в северо-восточных и восточных подступах к Месопотамии. Возможно, что носители языка эламского типа контактировали в близких регионах Урмийского озера с кутиями, луллубеями и другими автохтонными племенами, о которых сведения для III тыс. почти отсутствуют. Следы форманта -be на юге ведут вдоль Загроса до Элама, а на севере вплоть до Восточного Закавказья и Дагестана. В раннем средневековье в Азербайджане засвидетельствованы этнонимы с формантом -b ¹¹⁸. Некоторые современные языки Дагестана сохранили формант -bi как показатель множественного числа ¹¹⁹. Можно высказать предположение, что носители нахско-дагестанских языков, вероятно, уже в III тыс.

¹¹³ Эламский пантеон первоначально возглавляла богиня Киририша, а затем бог Хумбан.

¹¹⁴ Barton. Op. cit., p. 142, 150; King L. W. Babylonian Boundary-Stones and Memorial Tablets in the British Museum. I. L., 1912, 9, p. 31; Thureau-Dangin. Une relation..., p. 4; Grossman P. F. Das Era-Epos. Würzburg, 1955, S. 33; Budge E. A. W., King L. W. Annals Kings of Assyria. I. L., 1902, p. 4—5, 20, 112 f., 141, 179 f.; Klengel. Lullubum, S. 358 f.; Меликишвили. Напри-Урарту, с. 130—136. Этноним «луллубей» порой отмечается без каких-либо формантов (Budge, King. Op. cit., S. 306; Lassoë. Op. cit., p. 19, not. 24, p. 81—82), а также как имя собственное или этноним в Египте (Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend V. Chr. Wiesbaden, 1962, S. 371, 374, 473) и в Эламе первой половины VI в. до н. э. (Юсифов Ю. Б. Эламские хозяйственные документы из Суз.— ВДИ, 1963, с. 214, № 110; с. 216, № 128).

¹¹⁵ Hüsing. Op. cit., S. 19 f.; Speiser. Op. cit., p. 88, 100.

¹¹⁶ Barton. Op. cit., p. 158.

¹¹⁷ Юсифов. О некоторых компонентах..., с. 117.

¹¹⁸ Ср. раннесредневековые этнонимы šič-b, ðil-b (Фавст Бузанд. История Армении, кн. III, VII). Последний этноним в передаче Плиния (VI, 29) имеет форму sil-v, а Агафангела — sil-b-an (Langlois V. Collection des Historiens anciens et modernes de l'Arménie. T. I. P., 1967, p. 116). Этноним jik-b сохранился в названии этнографической группы кызов — жителей Азербайджана.

¹¹⁹ Durr. Ук. соч., с. IV.

до н. э. обитали в близких и дальних зонах Урмийского озера и контактировали с соседними народами¹²⁰.

Таким образом, предположение о родстве кутийского и луллубейского языков с эламским, а последнего с хурритским, касситским и другими языками древней Передней Азии мы считаем необоснованным¹²¹. Языки луллубеев, кутиев, туруккиев и народа су/сув были представлены в обширном регионе, охватывавшем также территорию древнего Азербайджана. Они были, по нашему мнению, наиболее древними языками Азербайджана (и соседних областей), носители которых уже в III тыс. до н. э. находились в контактах с населением Месопотамии. Для отождествления кутийского и луллубейского языков через посредство эламского с кавказскими языками отсутствуют какие-либо достоверные историко-филологические данные. Нынешнее состояние письменных источников с учетом вышеприведенных данных позволяет нам выдвинуть следующее предположение. На основании выражения «Лулу страны Су/а/» и урартско-ассирийского названия (сув-би сум-би) населения западных, южных и юго-восточных регионов Урмийского озера можно сказать, что порой этноним су применялся также для обозначения кутиев и луллубеев, в том числе населения Аратты/Алатейе. К этому же добавим, что одна из семи гор зоны Аратты носила название Су(в)а (ср. также название горы Савалан — «гора Сав»). Создается впечатление, что превратившееся в этническое название слово су/сув-би/сум-би имело значение что-то вроде «горцы»¹²². В таком случае этнический состав народа су, вероятно, был разноязычным. Носители разных вариантов этнонима су были представлены как на территории Манны (Иранский Азербайджан), так и Албании (Северный Азербайджан) и

¹²⁰ Имеются в виду передатчики форманта -b. Отождествление названия *kuti* с этнонимом *uti* Кавказской Албании (см. Дьяконов. История Мидии, с. 110; Алиев. История Мидии, с. 65) и предположение об их родстве с современными дагестанцами (см. История древнего мира. Ранняя древность. М., 1982, с. 71) являются гипотезой. О языке утиев нет никаких сведений. Как правило, язык утиев отождествляют с языком удинов, которые ныне живут в двух селениях АзССР и ГССР (последние — выходцы из Азербайджана). Удинский язык относится к нахско-дагестанской группе кавказских языков. Античные и древнеармянские письменные источники упоминают об утиях на территории Азербайджана. Плиний же (II в. н. э.) сообщает о племени удинов, живущем по соседству с албанами (VI, 38). Так что удины и утии жили в одно и то же время. Поскольку в письменных источниках утии и удины представлены как отдельные племена, то отождествление их нуждается в убедительной аргументации.

¹²¹ Детальный анализ древних языков Нагорного Загра является темой отдельной статьи. Предварительно можно отметить, что Г. Хюзинг и Ф. Борк внесли определенный вклад в изучение грамматического строя и языка эламских текстов, но не сумели доказать родство эламского как с древними, так и с современными языками. Согласно Г. Хюзингу, эламский был родствен касситскому, а последний он называл просто каспийским и принимал за северный диалект эламского языка (*Hüsing G. Die elamische Sprachforschung*. — Memnon, 1910, Bd. IV, S. 22—30; *idem. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams*. Lpz, 1916, S. 4). Эламо-хурритский сравнительный материал, приводимый Ф. Борком, не обнаруживает закономерных фонетических соответствий и основывался на невыясненных грамматических формах (*Bork F. Die Mitannisprache*. — MVAG, 1908, Bd. 14, H. 1—2, S. 68—82). То же самое можно сказать о кассито-эламских фонетических и грамматических параллелях Г. Хюзинга, основывавшихся на сомнительных и недоказанных примерах. В дальнейшем на основании недоказанного родства эламского с названными языками делались далеко идущие исторические построения. В свете сказанного объединение древних языков Нагорного Загра в одну родственную группу нам представляется неправомерным.

¹²² Ср. слово со значением «гора» в нахско-дагестанских языках: агулский — су, цахурский — сува, табасаранский — сив, которые отсутствуют в других языках этой группы. Ср.: страна Со — легендарное название прародины тюрков (см. *Потанов Л. П. Очерки по истории алтайцев*. М.—Л., 1953, с. 160; *Чеснов Я. В. Этноним зо/су/сак у тибето-бирманских и других народов*. — В сб.: *Ономастика Востока*. М., 1980, с. 215).

Кавказа. Среди них могли быть носители алтайско-пратюркских (по названию страны Аратта-Алатейе) и кавказских (по форманту -бе) языков. То же самое можно сказать о луллубеях и турукках, которые в этнолингвистическом отношении, вероятно, были преемниками населения Аратты и сохраняли свои лингвистические особенности в маннейский период, поскольку этот регион порой назывался Алатейе (ср. также «река страны Аратта»). Судя по ономастике, кутийский язык имел отличную от известных древних языков лингвистическую природу и отождествление его с кавказскими языками не имеет реальной научной аргументации. Наряду с носителями упомянутых языков на территории древнего Азербайджана III тыс. до н. э., вероятно, обитали и другие этнические группы, о названиях и лингвистической природе которых конкретные сведения отсутствуют.

Предварительное изучение письменных источников показывает, что в III тыс. до н. э. в Приурмийской зоне происходили контакты между носителями разных языков, которые входили в араттско-луллубейское и кутийское политические объединения. Этноязыковая неоднородность и политическая нестабильность приводили к внутренним распрям и внешним военным неудачам, прямым результатом чего явился распад древнейших государств на отдельные владчества, которым приходилось обороняться от сильных юго-западных соседей — Старовавилонского и Ассирийского государств.

Названные племена древнего Азербайджана и близлежащих регионов в первой половине III тыс. до н. э., вероятно, были подвержены процессу разложения первобытнообщинных отношений и классовобразования. В то же время создавались государственные образования типа Аратта. С этого раннего времени они поддерживали те или иные связи с жителями Месопотамии, особенно с шумерами. Во второй половине III тыс. до н. э. у кутиев и луллубеев и, вероятно, у турукков и народа су оформляется царская власть. Возможно, что туручки и народ су первоначально выступали в составе кутийского и араттско-луллубейского политических объединений. Постепенно каждое из этих племен или объединений племен подчинялось единому властелину. В начале II тыс. до н. э. кутии и туручки имели своих предводителей, а луллубеи — «многочисленных царей»¹²³. Упоминается LU^{mes}Tu-ru-ki-i^{ki} «люди страны Туруки» в связи с событиями в местности Шикшамбим, где жили и кутии¹²⁴. В случае необходимости они, видимо, объединялись. В это время кутии, луллубеи и туручки представляли на северо-востоке от Месопотамии значительную политическую силу, порой противостояли Ассирии.

В III тыс. до н. э. Аратта, луллубеи и кутии (возможно, и народ су и позже туручки) были втянуты в сферу влияния месопотамской культуры. Были сделаны первые попытки использовать шумеро-аккадский пантеон, язык и письменность, перенять аккадские титулы власти. Осуществлялись политические и экономические контакты, которые продолжались и в последующие века. Однако трудно сказать, как далеко на северо-восток, в зону Урмийского озера проникла шумеро-аккадская культура. Во всяком случае, во времена Саргона II и Ашшурбанипала в Приурмийской зоне

¹²³ Lassoë. Op. cit., p. 31, 35, 42, 46, 82.

¹²⁴ Точное местонахождение Шикшамбима (вар. Si-ik-ša-am-bi-im^{ki}, Si-ik-ša-ab-bu-um^{ki}, Si-ik-ša-am-bi^{ki}), который был в сфере влияния Ассирии и кутиев, неизвестно (Lassoë. Op. cit., p. 35). Эта местность, видимо, находилась где-то севернее или северо-восточнее Сулеймании.

существовала также политическая ориентация на Ассирийское государство. По-видимому, месопотамская культура позже, с ассирийцами, продолжала проникать в Приурмийскую зону, но начало этому было положено в III тыс. до н. э., если не раньше.

LES CONTACTS ENTRE LA MÉSOPOTAMIE ET LES PAYS
DU NORD-EST (ZONE DU LAC OURMIA) AU IIIe MILLENAIRE AV. N. E.

Ju. B. Jusifov

Un des pays antiques avec qui les Sumériens entretenaient des relations commerciales et économiques était l'Aratta, mentionné dans les épopées sumériennes à propos d'événements de la première moitié du IIIe millénaire av. n. è. Sa localisation suscite des controverses. Mais les inscriptions de Sargon II mentionnent «la rivière Arattaya» et celles d'Argisti Ier «Alateye, le pays montagneux», localisé sur le territoire du Manna, Etat situé dans le bassin du lac Ourmia. Des textes permettent de localiser l'Aratta au sud et au sud-ouest du lac Ourmia, en amont du Diala et du lac Zeribor au sud et jusqu'au cours d'eau Zendjan-roud au sud-est. *Aratta/Alateye* sont des variantes dialectales du mot *aratta/arattu/aratu* qui est attesté dans les syllabaires scolaires suméro-akkadiens comme signifiant 'montagne'. Qu'un mot signifiant 'montagne' ait servi à désigner le pays Aratta/Alateye permet de la rapprocher de la nomenclature géographique altaïenne. Sur le territoire linguistique altaïo-turc, le mot *ara/ala* (cf. 'mongol *ola* 'montagne', turc. *ala-* 'haut, grand') combiné au mot 'montagne' (*tau, ta, tu, too, taj, tav—tawa, da, tag—dag*) désigne des montagnes boisées et pie. L'Aratta/Alateye était située en Azerbaïdjan où, selon les témoignages d'auteurs du Moyen Age, on extrayait divers métaux, des minéraux, de la pierre et du lapis lazuli.

Les régions à l'ouest du lac Ourmia étaient habitées par des Kutii, et la zone de l'Aratta, par des Lullubei, des Turukkii et des Su (*LŪ Su, LU Su^{ki}, LŪ Su—a, LŪ Su—a^{ki}*), dont le nom s'est reflété dans les appellations des régions mannaïques *mat Su—ū—bi* (*Su—w—bi*) et *mat Su—um—bi* (*Suwbi < Sumbi*). Cf. également les expressions *Lu—lu LU S—a^{ki}* 'Lulu (Lullube) du pays Su(a)' et l'ideogramme du nom de l'Aratta: SU. KUR. RA 'pays Su'. Les Lullubei, les Turukkii et les Su étaient sans doute des habitants de l'Aratta appartenant à des tribus différentes qui faisaient partie, la plupart, de la communauté linguistique altaïo-préturque. Au sud — ouest, la région habitée par toutes ces tribus atteignait la zone de Souleïmaniya-Zohab.

La nomenclature géographique différente reflétée par les inscriptions suméro — akkadiennes, par exemple «le Pays supérieur», «les Monts des métaux précieux», désignait aussi, sans doute, les pays du Nord-Est, c'est-à-dire les régions du bassin du lac Ourmia. Les habitants de ces zones — les Kutii, peut-être aussi les Lullubei — entretenaient des rapports traditionnellement pacifiques avec les Sumériens, mais étaient hostiles à l'Akkad. La parenté linguistique du kutien et du lullubéen avec l'élamite et celle de ce dernier avec les langues caucasiennes ne se confirme pas. En même temps, l'appartenance de la langue des Albaniens à la famille des langues caucasiennes doit être révisée.

Les tribus énumérées de l'Azerbaïdjan antique ont dû connaître, dans la première moitié du IIIe millénaire av. n. è., une désagrégation des rapports claniques primitifs et l'apparition de classes. En même temps se constituaient des Etats du type de l'Aratta. Dans la seconde moitié du IIIe millénaire av. n. è. apparaissent les Etats du Kutium et du Lullubum, ce dernier en tant qu'héritier de l'Aratta. Il est possible que les Turukkii et le peuple Su aient originellement fait partie des unions politiques aratto — lullubeïenne et kutienne. Au début du IIe millénaire av. n. è., ces Etats se sont démembres en sénéuries séparées s'opposant aux puissants Etats vieux-babylonien et assyrien. Au IIIe millénaire av. n. è., l'Aratta, le Lullubum et le Kutium se trouvaient dans la sphère d'influence de la culture mésopotamienne. Alors furent faites les premières tentatives d'assimiler le panthéon, la langue et l'écriture suméro-akkadiens, d'emprunter les titres de la hiérarchie akkad enne. Des contacts politiques et économiques avaient lieu.